

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей монументальный труд немецкого психоневролога Рихарда фон Крафт-Эбинга — книга очень непростой судьбы, оказавшая сложное влияние и на перипетии личной жизни ее автора, и на формирование научных представлений о сексуальном поведении человека.

Крафт-Эбинг родился в 1840 г. в Мангейме, откуда после окончания средней школы он переехал вместе с родителями в Гейдельберг, где жил его дедушка по материнской линии — адвокат, снискавший значительный авторитет своей правозащитной практикой. Под его благотворным влиянием юноша начинает изучать медицину, но вскоре, заболев тяжелой формой тифа, вынужден отправиться в Швейцарию. После выздоровления, увлеченный лекциями знаменитого психиатра В. Гризингера, он продолжает учебу в Цюрихе и специализируется по психоневрологии.

Заняв в 1870 г. профессорскую кафедру в Страсбурге, он публикует несколько фундаментальных руководств (в их числе: «Основы криминальной психологии», 1872; «Учебный курс судебной психопатологии», 1876 и др.), систематически приглашается и часто выезжает в качестве консультанта во многие европейские страны (в том числе в Россию и Англию), завоевывает репутацию самого эрудированного психоневролога континента.

И вот на этом этапе, будучи на вершине славы, Крафт-Эбинг предпринимает акцию, которую в равной степени можно расценить и как легкомысленную, и как смелую (если угодно, даже героическую). В 1886 г. он публикует книгу «Половая психопатия», нарушая и ниспровергая этой пионерской работой все общепринятые (хотя и негласно) каноны благопристойности.

Дело в том, что в течение многих веков, со времени укоренения в Европе христианства, любое упоминание секса из всех университетских кафедр изгонялось как грех, а в судах занятие им нередко безжалостно преследовалось как преступное деяние. Цитаделью же этого пуританско-аскетического взгляда в Европе с течением времени становится так называемое викторианство, связываемое с эпохой царствования английской королевы Виктории (1837–1901). Согласно установившемуся идеалу, благовоспитанные молодые люди в надлежащее время влюблялись, делали предложение руки и сердца, сочетались церковным браком, а затем во имя прокреации (то есть продления рода) время от времени совершали при потушенных свечах и под одеялом половой акт со своей

супругой, неуклонно соблюдающей правило *ladies don't move* — дамы неподвижны (поскольку благовоспитанным дамам не позволялось извиваться в конвульсиях страсти и они должны были отдаваться мужьям пассивно, сохраняя полную двигательную и эмоциональную отключенность, вплоть до диссимуляции оргазма и каких бы то ни было иных положительных чувственных проявлений, — кодекс двойной морали в какой-то степени разрешал умеренные плотские радости только представителям сильного пола).

И вот один из самых уважаемых европейских профессоров в одночасье ниспровергает всю эту тихую благодать, нарушая обет молчания публикацией своей коллекции самых отвратительных, самых разнузданных, самых тошнотворных поведенческих актов, связанных до этого времени именно с плотно замаскированной, закрытой на все застёжки сексуальной сферой. Тошнотворность представленных автором протокольных описаний, заставившая, дабы не шокировать аристократических читателей предпоследнего десятилетия XIX в., прикрыть наиболее крутые эпизоды завесой древней латыни, не утратила своего отталкивающего аромата и в наше вроде бы ко всему привычное время: медицинская сестра отделения сексопатологии психиатрического института, переписывавшая на машинке приготовленные мной для данного издания русские эквиваленты латинских вставок, через несколько дней отказалась от этой работы (потому что перепечатаваемые тексты вызывали у нее приступы тошноты...). Своей монографией о половой психопатии Крафт-Эбинг прежде всего нанес такой сокрушительный удар по собственной к этому времени широко и прочно установившейся репутации, что отзвуки растерянности прослеживаются даже в некрологе, опубликованном «Бритиш медикал джорнэл» («the British Medical Journal»), игравшем роль рупора не только английских, но и европейских медиков; в номере за 3 января 1903 г., спустя одиннадцать дней после смерти ученого, в траурном сообщении соседствуют такие высказывания: «... среди его работ — шестикратно переиздававшееся руководство по психиатрии, а также руководства по судебной медицине и сексопатологии... Его имя, к сожалению, приобрело скандальную известность благодаря книге, названной «Половая психопатия»... Крафт-Эбинг, однако (!), внес в неврологию много ценных разработок, заставляющих относиться к его имени с уважением...» А за 10 лет до этого, в 1893 г., то же периодическое издание высказывалось еще более категорично: «Мы всесторонне обсудили, следует ли нам вообще реагировать на появление этой книги... Мы подвергли сомнению целесообразность ее перевода на английский язык. Заинтересованные лица могут ознакомиться с ней по оригиналу. Лучше, если бы она была написана на латыни целиком, так, чтобы прикрыть ее содержание мраком и неясностями мертвого языка...» При этом буря, вызванная злощастным вторжением в запретную сферу, не ограничилась британскими островами, так что Крафт-Эбинг был вынужден подать в отставку, отка-

завшись от кафедры в Страсбурге, и ограничиться заведованием небольшим санаторием недалеко от Граца в Австрии. Лишь к концу жизни он вновь занял высокий академический пост, унаследовав руководство клиникой и кафедрой Майнерта в Венском университете.

Очень показательна и по-своему типична противоречивая динамика событий, определяющих оценку и судьбу книги и ее автора. С одной стороны, нелицеприятные, подчас уничижительные высказывания общепризнанных официальных объединений, а с другой — непрерывная череда переводов на большинство языков мира и многочисленные все более объемистые переиздания (так, характерно, что первый перевод на русский язык сделан с тринадцатого, дополненного издания).

Объяснение этих противоречий — в своеобразии тактики, избранной Крафт-Эбингом: он посягнул на заглавный тезис христианской церкви, отнюдь при этом не объявляя ей войны. По существу, Крафт-Эбинг осмелился повторить прегрешение змея-искусителя, заставившего первых людей вкусить запретный плод познания, изначально связанного именно с сексуальной сферой: «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились. Змей был хитрее всех... И сказал змей жене: ... но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания...» После этого, как известно, изгнал Господь грешников из сада Эдемского, и наказал их всех, сказав при этом Адаму: «...за то, что ты послушал голос жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него»... в поте лица твоего будешь есть хлеб...» «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей...» «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между... семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятую» (Первая книга Моисеева, Бытие, гл. 2 и 3).

Нетрудно заметить, что из всех трех грешников самая тяжкая кара возлагается именно на змея-искусителя, а в период, когда наука, выйдя из монастырских келий, где она веками находила укрытие, и обретя полную самостоятельность, начала чем дальше, тем настойчивее теснить церковь, Крафт-Эбинг не только следует по проложенной змеем стезе, поливая живой влагой бесчисленных фактов древо познания, но и, вроде бы провозглашая анафему описываемым в его книге злодеям, в то же время пытается перехватить у Всемиловейшего его суверенное право прощать (даже в официальной церковной иерархии даруемое далеко не всем ее представителям) — ведь именно он в своей книге пер-

вый приводит развернутые аргументы, доказывающие, что гомосексуализм — не проявление злой воли, а болезненное расстройство и, следовательно, гомосексуалов следует не карать, а лечить. При этом Крафт-Эбинг сочетает осуждающие эпитеты и оправдательные мотивы в такой пропорции, что временами вводит в заблуждение даже некоторых современных сексологов.

И все же, по иронии судьбы, в наши дни имя Крафт-Эбинга сохраняется только благодаря фундаментальной сексологической работе, в то время как большинство других его трудов прочно забыты. Безжалостное время за прошедшие с момента публикации сто с лишним лет многое в научных взглядах изменило; сегодня уже, по существу, ушло из употребления само понятие половой психопатии; не принимается наукой и предлагаемая им расстановка причин, среди которых слишком часто и без достаточных оснований фигурируют «порочная наследственность», «моральное вырождение» и в особенности мастурбация, рассматриваемая как самый универсальный механизм подавляющего большинства половых нарушений. Однако именно Крафт-Эбинг был первым из первых, отважившихся представить подробнейшие описания половых извращений и девиаций, прежде всего таких, как садизм, мазохизм, гомосексуализм, фетишизм, эксгибиционизм, зоо- и некрофилия, а также всесторонне рассмотреть их медико-биологические и правовые аспекты и предложить объединяющую их концептуальную гипотезу. Именно эти разработки, положившие начало формированию новой научной отрасли человеческого знания — сексологии, определяют высочайшую общую оценку как огромных заслуг смелого и прозорливого ученого, так и значения издаваемой книги.

*Г. С. Васильченко,
профессор, руководитель Федерального
Российского научно-методического центра
медицинской сексологии и сексопатологии*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Лишь очень немногие вполне сознают могучее влияние, оказываемое половой жизнью на чувства, мышление и поступки как каждого отдельного человека, так и всего общества. В стихотворении «Мудрецы» Шиллер говорит об этом факте следующим образом:

Покуда мира строй и вид
Нам философия хранит, —
Землю правит всею
Любовь и голод с нею.

[Перев. Ф. Миллера]

Достоин внимания то обстоятельство, что роль половой жизни встретила лишь крайне ничтожную оценку даже со стороны философов.

Шопенгауэр («Мир как воля и представление») прямо удивляется тому, что любовь до настоящего времени служила материалом только для поэзии, а не для философии, если не считать скудных исследований, находимых нами у Платона, Руссо и Канта.

То, что Шопенгауэр, а вслед за ним творец философии бессознательного Э. фон Гартман высказывают о половых отношениях, до такой степени ошибочно и страдает обилием общих мест, что если исключить работы Мишле («Любовь») и Мантегаццы («Физиология удовольствия»), представляющие скорее остроумную беседу, чем научное исследование, то придется признать, что как эмпирическая психология, так и метафизика половой стороны человеческой жизни являются пока еще почти совершенно нетронутой научной почвой.

Можно было бы полагать, что поэты — лучшие психологи, чем профессиональные психологи и философы, но вся суть в том, что они люди чувства, а не логики и по меньшей мере односторонни в исследовании интересующей нас области. Свет и тепло любви, вдохновляющей их, заслоняют им теневые ее стороны. Какой бы неистощимый материал ни дала историку «психология любви», этой поэзии всех времен и народов великая загадка может найти свое разрешение только при содействии естествознания, и в частности медицины, черпающей психологический материал непосредственно из всестороннего изучения анатомо-физиологических данных.

Быть может, медицине удастся при этом найти посредствующую точку зрения для философского познания, одинаково далекую как от без-

отрадного мировоззрения философов-пессимистов вроде Шопенгауэра и Гартмана¹, так и от жизнерадостного наивного оптимизма поэтов.

Автор отнюдь не имеет в виду положить краеугольный камень в создание психологии половой жизни, хотя не подлежит сомнению, что психопатология явилась бы одним из важнейших источников для знакомства с психологией.

Задача настоящего исследования — познакомить с психопатологическими явлениями половой жизни и попытаться свести их к закономерным условиям. Задача эта нелегка, и несмотря на многолетний опыт, вынесенный мною из моей деятельности в качестве психиатра и судебного врача, я прекрасно сознаю, насколько труд мой далек от желательного совершенства.

Важное значение затронутого мною предмета для общественного блага и, в частности, для судебной практики требует, чтобы исследование его было обставлено вполне научно. Только тот, кому в качестве судебного врача приходилось давать свое заключение о ближних своих, жизнь, свобода и честь которых зависели от этого заключения, и горьким опытом прийти к безуспешному выводу о несовершенстве наших знаний в области патологии половой жизни, только тот может по достоинству оценить важность и значение попытки дать здесь общие руководящие принципы.

Во всяком случае в области половых преступлений еще до настоящего времени господствуют самые превратные воззрения и самые нелепые заблуждения, отражающиеся, конечно, и на законодательстве, и на общественном мнении.

Тот, кто избирает предметом научного исследования психопатологию половой жизни, становится лицом к лицу с темной стороной человеческой жизни, с бедствием, в тени которого человек, «образ и подобие Божие» поэта, превращается в гнусное, чудовищное существо, отвращающее от себя и эстетика, и моралиста.

На долю медицины, и в частности психиатрии, выпала печальная привилегия постоянного созерцания оборотной стороны человеческой жизни, ее слабостей и пороков.

Быть может, она найдет себе утешение в своем тяжелом призвании, а моралисту и эстетика доставит удовлетворение свести к патологическим условиям многое из того, что оскорбляет наше этическое и эстетическое чувство. Этим она возьмет на себя защиту и чести человечества перед судом морали, и чести единичных жертв рока перед их судьями и согра-

---

¹ Философские воззрения Гартмана (*Philosophie des unbewussten*. Berlin, 1869. S. 583) сводятся к следующему. Любовь причиняет больше горя, чем радости. Отрада, ею доставляемая, не что иное, как чистая иллюзия. Разум повелевал бы избегать любви, если бы не роковое половое влечение; стало быть, самое лучшее — это подвергнуть себя кастрации. Те же взгляды, но без последовательности Гартмана, мы встречаем уже у Шопенгауэра в его сочинении «Мир как воля и представление» (*Die Welt als Wille und Vorstellung*. 3 aufl., Bd. 2. S. 586 ff.).

жданнами. Права и обязанности врачебной науки по отношению к таким исследованиям являются логическим выражением той высокой цели, которая должна отмечать всякое изыскание, — стремления к истине.

Автор в этом отношении вполне придерживается взгляда, сформулированного Тардьё («О преступлениях против нравственности»): «Никакая физическая или моральная ущербность, никакое несчастье, даже если оно свидетельствует о порочности, не должно отпугивать того, кто посвятил себя науке о человеке, и священное служение медицине, обязывающее его видеть все, разрешает ему и ничего не утаивать».

Нижеследующие страницы предназначены для людей, интересующихся серьезными исследованиями в области естествознания и юриспруденции. Для того чтобы они не могли служить предметом чтения непризванных, автор счел нужным избрать заглавие, понятное только специалисту, равно как по возможности прибегать к соответствующим терминам. Кроме того, отдельные места, особенно оскорбляющие наш слух, переданы на латинском языке¹.

Выражаем надежду, что исследование, посвященное одной из важных областей жизни и могущее дать врачам и юристам некоторый ключ к ее уразумению, встретит среди них благосклонный прием и пополнит действительный пробел в литературе, которая, за исключением нескольких статей и рассмотрения отдельных случаев, насчитывает всего две монографии — Моро и Тарновского, посвященные притом лишь некоторым вопросам нашей темы.

Рихард фон Крафт-Эбинг

---

¹ В настоящем издании они приведены в переводе на русский язык. — *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВЕНАДЦАТОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее 12-е издание подверглось тщательному пересмотру и отчасти переделано и дополнено. Благоклонный прием, единодушно оказанный моей книге юристами, доставил автору отрадное сознание того, что она не останется без влияния на законодательство и окажет свое действие в деле устранения многовековых заблуждений.

Неожиданно большое распространение книги представляет, очевидно, лучшее доказательство того, какая масса несчастных искала и нашла в ней разъяснение и утешение в загадочных явлениях своей половой жизни. Справедливость подобного предположения удостоверяется большим количеством писем, полученных автором из всех стран от таких пасынков природы. Чтение этих писем, принадлежащих в большинстве случаев перу лиц, занимающих высокое положение и по степени развития, и в социальном отношении, лиц, очень часто наделенных самыми тонкими чувствами, наполняет душу глубочайшим состраданием. Они раскрывают такие душевные муки, перед которыми бледнеют все страдания, приготовляемые нам таинственным роком!..

Пусть же моя книга и дальше приносит этим несчастным утешение и нравственную реабилитацию!

Позволю себе выразить надежду, что и предлагаемое издание встретит тот же дружеский прием, какой выпал на долю предыдущих, и высказать пожелание, чтобы книга моя сослужила полезную службу науке, праву и гуманности!

Автор
Грац, декабрь 1902

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ИЗДАНИЮ

Приступая к выпуску 13-го издания настоящего сочинения, я занялся изучением литературного наследия моего незабвенного учителя и нашел там богатейший фактический материал, которым сам Крафт-Эбинг предполагал воспользоваться для последующих изданий, так как во многих случаях есть собственноручные его пометки с указанием, что эти случаи предназначены для нового издания. Я считаю поэтому своим нравственным долгом привести в исполнение это намерение моего учителя в настоящем издании; так как, несмотря на многочисленные работы по данному вопросу, появившиеся в печати со времени выхода 12-го издания, никаких существенных открытий в области *патологии* половой жизни не произошло, я решил никаких изменений в общий план данного труда не вносить.

Впервые появляются в печати наблюдения за № 82, 89, 90, 117, 121, 144, 161, 178, 223 и 227.

Приношу сердечную благодарность за советы и помощь моим глубокоуважаемым учителям проф. Вагнеру и Оберштейнеру.

Приват-доцент Альфред Фукс
Вена, 1 июня 1907

Психология половой жизни

Продолжение рода человеческого не представляет собой чего-то случайного или обусловленного прихотью человека, но поддерживается природным влечением, половым инстинктом, властно, неудержимо требующим удовлетворения. В удовлетворении этого природного инстинкта человек находит не только чувственное наслаждение и источник физического хорошего самочувствия, но и удовлетворение более высокого чувства — потребности продолжить свое собственное кратковременное существование за пределы времени и пространства в лице новых существ путем наследственной передачи им своих духовных и физических свойств. В грубо чувственной любви, в стремлении к удовлетворению природного инстинкта человек стоит на одной ступени с животным, но ему дано подняться на высоту, на которой он уже перестает быть безвольным рабом инстинкта, и в нем пробуждаются более благородные ощущения и стремления, которые при всем своем чувственном происхождении раскрывают пред ним целый мир прекрасного, возвышенного и нравственного.

На этой ступени человек становится властелином природного инстинкта и черпает из неиссякаемого источника материал и стимулы для высших наслаждений, для благородного труда и для достижения идеальных целей. Майдслей (Deutsche Klinik, 1873, 2, 3) справедливо называет половое ощущение основой развития социальных чувств. «Если бы человек был лишен инстинкта размножения и всех духовных благ, отсюда вытекающих, то из его жизни исчезла бы вся поэзия и, быть может, также все нравственное развитие».

Во всяком случае, половая жизнь представляет могущественнейший фактор индивидуального и общественного бытия, главнейший импульс для работы, приобретения собственности, основания домашнего очага, пробуждения альтруистических чувств прежде всего по отношению к лицу другого пола, к детям, к своей семье, а затем и по отношению ко всей человеческой семье.

Таким образом, начало всякой этики, а, вероятно, также значительной доли эстетики и религии берет свое основание в половом чувстве. Но если половая жизнь способна служить источником величайших добродетелей, до самопожертвования включительно, то, с другой стороны, в ее чувственной силе кроется та опасность, что она может перейти во всепоглощающую страсть, быть источником величайших пороков.

*Рихард Фридолин Йозеф барон Краффт фон Фестенберг
ауф Фронберг, называемый фон Эбинг (1840—1902) —
австрийский и немецкий психиатр, невропатолог,
криминалист, исследователь человеческой сексуальности.
Является одним из основоположников сексологии*

Необузданная страсть подобна вулкану, все разрушающему, все уничижающему, подобна пропасти, поглощающей все — честь, состояние, здоровье.

С точки зрения чисто психологической весьма интересно проследить фазы развития, через которые прошла половая жизнь в течение культурного развития человечества, прежде чем она получила свой современный характер, достигла современного нравственного уровня¹. На первобытной ступени развития культуры человек удовлетворяет свои половые потребности так же, как животное. Половой акт совершается открыто, и мужчины и женщины не стыдятся ходить нагишом. На этой ступени развития находятся еще и в настоящее время некоторые дикие народы, например, австралийцы, полинезийцы, малайцы Филиппинских островов (ср. Плосс). Женщина представляет общее достояние мужчин, временную добычу более могущественного, более сильного. Этот последний стремится к обладанию наиболее красивыми представительницами другого пола и тем самым инстинктивно выполняет своего рода половой подбор.

Женщина представляет движимость, товар, предмет купли, мены, дара, орудие чувственных наслаждений, труда. В последнее, однако, время Йозеф Мюллер привел веские данные в пользу того мнения, что среди первобытных людей в самом начале существовала моногамия и что грубые пороки половой жизни следует рассматривать скорее как явления вырождения более позднего времени, чем как явления первобытной среды. Началом облагораживающего характера половой любви является зарождение чувства стыдливости по отношению как к проявлению и удовлетворению полового влечения в присутствии посторонних, так и к взаимному общению обоих полов. Отсюда возникает стремление к прикрытию половых органов («и узнали они, что наги») и к совершению полового акта наедине.

Развитию этой ступени культуры благоприятствуют суровость климата и вызванная последней потребность в прикрытии всего тела. Этим объясняется отчасти то обстоятельство, что у северных народов, согласно данным антропологии, чувство стыдливости обнаруживается ранее, чем у южных².

Дальнейшим моментом культурной эволюции половой жизни является перемена господствующего до того времени воззрения на женщину как на движимость. Она становится личностью и, хотя она еще долго продолжает стоять на социальной лестнице значительно ниже мужчи-

---

¹ *Lombroso*. Der Verbrecher. Übers. von Fränkel. S. 38 ff.; *Westermarck*. Geschichte der menschlichen Ehe. Übers. von Katscher und Grazer. Jena, 1893; *Плосс*. Женщина в естествознании и народоведении. Перев. под ред. д-ра А. Г. Фейнберга. Спб., 1898 г.; *Мюллер Й.* Половая жизнь первобытных народов. Лейпциг, 1902.

² По Вестермарку (указ. соч.): «Не чувство стыдливости породило появление одежды, но, наоборот, одежда вызвала возникновение чувства стыдливости. Первоначально, однако, прикрытия половых органов возникло из желания обоих полов понравиться друг другу».

ны, тем не менее постепенно пробивает себе путь взгляд, разрешающий ей распоряжаться собственной личностью и своей любовью.

И вот женщина становится объектом поисков мужчины. К грубо чувственному ощущению половой потребности примешиваются зачатки этических ощущений. Половая похоть проникается духовным элементом. Общность женщин исчезает. Взаимное влечение отдельных индивидов различного пола определяется уже духовными и физическими их качествами. На этой ступени развития женщина проникается сознанием, что ее прелести принадлежат только избраннику ее сердца, и она старается скрыть их от глаз посторонних. Отсюда наряду с чувством стыдливости берет свое начало целомудрие и половая верность, сохраняемые все время, пока длится любовная связь.

Этого социального положения женщина достигает раньше там, где с превращением прежнего кочевника в оседлого жителя у последнего возникает родина, домашний очаг, а стало быть, и рождается потребность иметь подругу жизни в лице жены и хозяйки дома.

Из восточных народов этой ступени очень рано достигли древние египтяне, евреи и греки, из западных — германцы. У этих народов высоко ценятся девственность, целомудрие, стыдливость и половая верность, в противоположность другим народам, которые предоставляют своих женщин гостю для половых наслаждений.

То, что рассматриваемая ступень облагораживания половой жизни довольно высока и появляется значительно позже некоторых других форм культурного развития, в частности эстетической, доказывает пример японцев, у которых еще сравнительно недавно всякая незамужняя женщина могла беспрепятственно заниматься проституцией без малейшего ущерба для своего будущего положения жены и матери.

Христианство дало могучий толчок к облагораживанию половых отношений, подняв женщину на одинаковую социальную высоту с мужчиной и превратив любовную связь между ними в религиозно-нравственный обряд¹. Этим устанавливалось то положение, что на высшей ступени цивили-

---

¹ Этот общий взгляд, установленный, между прочим, и многими историками культуры, требует, однако, известного ограничения, поскольку символический и освящающий характер брака впервые сформулирован был в определенной, ясной форме лишь Тридентским собором, хотя уже самый дух христианства делает понятным освобождение женщины от того низкого положения, какое она занимала в древнем мире и в Ветхом завете.

Такое позднее признание значения брака объясняется отчасти легендой о последовательном создании женщины из ребра мужчины, об ее роли в грехопадении и о постигшем ее заклятии: «а он (муж) будет господствовать над тобою». Так как грехопадение, ответственность за которое Ветхий завет возлагает на женщину, легло в основу церковного учения, то социальное положение женщины должно было оставаться приниженным до тех пор, пока дух христианства не взял верх над легендами и схоластикой.

Достоинно внимания то, что в Евангелии, если исключить запрещение развода (Мф 19:9), не содержится ни одного места в защиту интересов женщины. Милосердие к прелюбодейке и к кающейся Магдалине само по себе не касается положения женщины. Напротив,

зации любовь человеческая может быть только моногамной и должна иметь в основе длительный союз. Природа может требовать только размножения рода, но общественная единица, будь то семья или государство, должна иметь гарантию, что потомство будет преуспевать физически, нравственно и интеллектуально. Именно равноправие полов, установление моногамии и укрепление последней правовыми, религиозными и этическими узами дали христианским народам преимущество и духовное, и материальное над народами с полигамией вообще и над исламом, в частности.

Мухаммед, правда, стремился поднять положение восточной женщины, бывшей только рабыней и орудием грубой чувственности, и поставить ее на более высокую ступень в социальном и семейном отношении, но все же в мусульманском мире женщина продолжает стоять неизмеримо ниже мужчины, которому одному предоставлено право расторжения брачного союза, расторжения, к тому же крайне легко выполнимого.

Ислам совершенно отстранил женщину от всякого участия в общественной жизни и тем самым затормозил ее интеллектуальное и нравственное развитие. Из-за этого мусульманская женщина, в сущности, осталась только средством удовлетворения половой похоти и сохранения расы, тогда как добродетели и способности христианки, являющейся хозяйкой дома, воспитательницей детей и равноправной подругой мужчины, могли расцвести пышным цветом.

Таким образом, ислам с полигамией и гаремной жизнью является резким контрастом моногамии, отличающей семейную жизнь в христианском мире.

Послания св. Павла прямо указывают на то, что в положении женщины не должно быть ничего изменено (1. Кор 11: 3–12; Еф 5:22: «жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу» и 33: «а жена да боится своего мужа»).

Насколько вина Евы вооружила против женщин отцов церкви, видно хотя бы из следующих выдержек из Тертуллиана: «Женщина, ты должна всегда ходить в печальной одежде и тряпье, глаза твои должны быть всегда полны слез. Ты погубила род человеческий». Св. Иероним еще строже относится к женщине. По его словам «женщина есть врата дьявола, путь беззакония, жало скорпиона» (*De cultu feminarum* 1, 1).

Каноническое право говорит: «Только мужчина создан по образу и подобию Божьему, но не женщина; поэтому женщина должна служить ему и быть его слугой!»

На соборе в Маконе в VI веке серьезно дебатировался вопрос о том, имеется ли вообще у женщины душа.

Подобные взгляды церкви довольно сильно повлияли на народы, принявшие христианство. У германцев после принятия новой веры пеня за смертоубийство женщины — наивное выражение ценности последней — в силу указанных причин была понижена (Falke J. *Die ritterliche Gesellschaft*. Berlin, 1862. S. 49). Об оценке обоих полов у иудеев см. III книгу Моисея 27:3–4.

Полигамия, в Ветхом завете (Второзаконие 21:15: «если у кого будут две жены и т.д.») ясно признанная, в Новом нигде, по существу, не отменяется. Действительно, христианские князья (например, Меровинги — Хлотар I, Харибер I, Пипин I и многие знатные франки) жили в многобрачии, в то время церковь несколько против этого не возражала (Weinhold. *Die deutschen Frauen im Mittelalter* II. S. 15; ср. также Unger. «Die Ehe» и сочинение Луи Бриделя «Женщина и право» — Bridel L. *la femme et le droit*. Paris, 1884).